

ВИРТУАЛИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИКЕ

О.В. Попова

Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего

Феномен детства в его самобытности и уникальности до сих пор не раскрыт в современной научной мысли. Обилие информации, посвященной проблемам детства, не имеет систематического единства даже в рамках конкретных научных дисциплин (педагогика, психологии развития, социологии детства, ювенального права, педиатрии), продуцирующих зачастую содержательно и предметно разные дискурсы о детстве. Преодоление столь несогласованного объема знаний о детях требует в идеале создания междисциплинарного знания, где этот феномен предстал бы во всей своей специфике, а ребенок как объект исследования мыслился бы не редуционистски как отдельное, изолированное явление, обладающее особым «смыслом». Здесь должна бы быть реализована интуиция, что ребенок есть предмет единый, а следовательно, должен исследоваться в рамках одной науки. Однако история понятия детства показывает, что приоритетной тенденцией в рассмотрении данного феномена являлась совокупность перспектив и стратегий его постижения, в контексте которых феномен детства теряет свое внутреннее достоинство, будучи зависимым от описаний «мира взрослых». Ребенок не может говорить о себе, его голос как бы нуждается в онтологической доработке, которую по сложившейся традиции делегировали взрослым. Последние как субъекты имеют дело с осмысленным миром и сами привносят в него значения, приписывая тому или иному явлению определенную ценность. В отношении проблем детства эта особенность мироотношения выливается на практике в субъективное понимание потребностей ребенка: даже если действия взрослых по отношению

к нему основаны на желании оказать ему благо, сама дефиниция последнего задается взрослым, без участия ребенка, позиция которого в отношении блага и ценностей, как правило, оказывается представленной, только если она совпадает с позицией взрослого либо в том случае, когда ребенок достигает определенной степени зрелости и находится в своего рода лиминальном состоянии, осуществляя выход за пределы «детскости».

Поиск смысловых единиц относительно феномена детства выявляет следующие взаимосвязанные компоненты. Его можно рассматривать как научный конструкт, в этом смысле оно является собой интерпретацию отдельного среза жизни ребенка различными научными дисциплинами: медициной, психологией, педагогикой и т. д. Детство как социоаналитическая абстракция находится в тесной зависимости от таких абстракций, как род (поколение), политика, культура.

Образы детства варьируются в соответствии с доминирующими в рамках той или иной эпохи культурными настроениями и алгоритмами мышления. В частности, И.С.Кон выделил следующие образы детства: 1) эпоха классицизма: детство как уклонение от нормы, т. е. от взрослого состояния; 2) эпоха Просвещения: ребенок как объект воспитания, детство как этап подготовки к будущей социальной жизни взрослых, отсутствие понимания детства как самоценности, функциональная его оценка; 3) эпоха романтизма: детские дети, которые ценны сами по себе, обладатели максимума возможностей, которые затем, в процессе взросления, рассеиваются и теряются; 4) реализм XIX в.: интерес к детству, проходящему в неблагоприятных, а порой жестоких социальных условиях; 5) в XX в. происходит все большее и большее усложнение и обогащение граней детских образов, все более тонко и подробно вырисовываются характеры детей¹.

Ребенок в истории гуманитарной мысли до второй половины XIX в., как свидетельствуют исследования социологов, культурологов, историков медицины и философов, не был предметом особого интереса со стороны интеллектуалов. О детстве речь шла преимущественно как о преходящем периоде человеческой жизни; ни в коем случае не предполагалось тотальной детерминации детским периодом всей последующей взрослой жизни, как это характерно для современной западной культуры, заданной психоа-

налитической парадигмой. Кроме того, детство рассматривалось (за исключением сочинений с педагогической направленностью) лишь постольку, поскольку человек проявлял особенный трепетный интерес к началу собственной жизни, точно так же как геронтологическая проблематика осмысливалась в основном, поскольку неизбежной оказывалась проблема смерти и глубокой старости.

Исследование детства во все времена предполагало оперирование характерными для того или иного исторического периода категориями, задававшими пульсацию мысли, но в то же время и ограничивающими непредвзятое рассмотрение его целостного существования. Детство вызывало различные оценочные суждения, а модель ребенка, господствовавшая в ту или историческую эпоху, задавала соответствующее к нему отношение.

Исследование представлений и понятийного инструментария многочисленных дискурсов о детстве, легитимизированных в различные интеллектуальные эпохи, позволит прояснить «смысл» этой категории, а также оценить правовой и моральный статус ребенка, закладываемый современной эпохой.

1. Образ детства в эпоху Античности и Средневековья

Очевидно, что правовой статус ребенка в эпоху Античности практически отсутствовал и имело место инструментализируемое, техническое обращение с ним как с вещью, собственностью и т. д. Обращение с детьми, имевшие место телесные практики: принесение их в жертву, убийство младенцев с уродствами в Спарте, использование детей в качестве рабочей силы, лишение их жизни в ответ за провинности и т. д. – показывали отсутствие признания в ребенке собственного достоинства, самости и фиксировали как раз, что этими качествами обладают полноправные взрослые.

В то же время однозначная оценка этих практик невозможна: мы даем ее в контексте современного этико-правового мышления, эталоном которого, в частности, служит Конвенция о правах ребенка.

Вместе с тем, например, такая практика, как принесение в жертву ребенка, оправдывалась в рамках религиозного мировоззрения. В.С.Соловьев в произведении «Оправдание добра» отме-

тил, что «принесение родителями в жертву богам своих детей никак не доказывает отсутствия жалости или родительской любви, а, напротив, предполагает это чувство; ведь главный смысл этих жертв состоял именно в том, что убивались любимые дети; если бы то, что жертвовалось, не было дорого жертвующему, то сама жертва не имела бы никакой цены, т. е. не была бы жертвой»². В таком случае можно говорить не о низком статусе детства, а об изначально высоком отношении к божеству, на фоне абсолютного существования которого существование не только ребенка, но и человека вообще выглядело ничтожным.

Со времен античности детство рассматривается как ущербное, зависимое состояние, преодолеть которое помогает сама природа через естественное развитие индивида и включенность ребенка в социум с его воспитательным воздействием, осуществляемым взрослыми. Детство как состояние неполноценности и неполноправности оправдывалось своим будущим взрослым состоянием. В этом плане значима позиция Аристотеля, полагавшего, что заниматься философией должны только зрелые люди. Его взгляды можно рассматривать и как признание определенной ущербности состояния до-взрослости, характеризующегося подверженностью чувственным порывам, непостоянством в суждениях, то есть недоразвитой разумностью, что априори предписывалось детям и молодым людям. Общей тенденцией для Античности является понимание детства как состояния ограниченной свободы. Выход из него расценивался как обретение автономии, переход от зависимого состояния послушания к равноправному диалогу совершеннолетних граждан. Модель ребенок – взрослый в античном обществе (в частности, если опираться на «Никомахову этику» Аристотеля) основывалась на выраженных патерналистских отношениях. Проблема прав ребенка не заботила никого в античную эпоху. Достижение автономии было следствием прохождения всех необходимых ступеней развития для обретения качеств полноценного человека. Ребенок не мог сравняться в отношении своего статуса со взрослым, поскольку тем самым бы уничтожил естественную иерархию сил и способностей. Здесь могла действовать схема, характеризующая отношения раба и господина: первый не мог претендовать на место второго, фактически являясь телом господина, а следовательно, его собственностью. Платон в «Законах» эту мысль выра-

зил достаточно отчетливо в своей педагогической концепции: надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и делают в отношении рабов: не надо позволять тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию, так как это вызовет у него раздражение, но нельзя и баловать отсутствием наказаний.

Христианское отношение к ребенку значительно отличается от античного. В рамках религиозной доктрины христианства период детства мыслился сопряженным с определенными нравственными характеристиками. Особая близость ребенка к Богу, его моральная незапятнанность эксплицируются в теологических спорах из призыва Христа: «Будьте как дети». Руководствуясь этими словами, русский православный философ и педагог В.В.Зеньковский заметил, что «детская духовная жизнь, духовная организация как тип ближе стоит к идеалу, чем наша»³. Одна из заповедей блаженства: «Блаженны нищие духом», – как раз указывает на идеал человека как не испорченного социальной жизнью, открытого для того, чтобы в него вошел Святой Дух. И ребенок в таком случае онтологически оказывается наиболее приближенным к такой простоте и открытости, незаполненности ничем лишним, что могло бы его отвлечь от спасения. Детство во временном измерении имеет свои границы, но в аспекте вечности они снимаются словами Христа: «Будьте совершенны как совершенен Отец Ваш Небесный», показывая, что все люди оказываются перед Абсолютом абсолютно неопытными, несовершенными детьми. Детство в христианской традиции упоминается также в связи с концептами греха и невинности. «Кто не примет Царства Божьего как дитя, тот не войдет в него» (Мк 10:15).

В то же время подобное положительное проявление внимания к ребенку скорее в большей степени характеризует этику Нового Завета, чем средневековое мышление. Французский исследователь Филипп Ариес подметил, что в средневековом искусстве преобладало подчеркнуто незаинтересованное отношение к детству, до XVII в. оно не знало детства, или во всяком случае не было ни одной попытки его изобразить. Ариес предполагает, что это свидетельствует не столько о неумении или отсутствии изобразительного мастерства художников, сколько о том, что в том мире не было места детству.

2. Ребенок в эпоху Просвещения и Новое время

Философские воззрения на природу ребенка, начиная с эпохи Просвещения, носят противоречивый характер. С одной стороны, ребенок продолжал рассматриваться как объект манипуляций со стороны взрослых, который с необходимостью должен быть сконструирован социумом с целью обретения полноценности, субъектности, а с другой – изменение общественных нравов в плане обретения автономии от догматического мышления Средневековья провоцировало появление нового подхода к ребенку как к личности. Философия Руссо в этот период сыграла, конечно же, немаловажную роль. Ребенок у него не просто объект педагогической власти взрослого, а субъект – объект свободного воспитания, под которым подразумевается не столько формирование необходимых качеств, сколько раскрытие и развитие уже имеющихся. В то же время свободное воспитание было спроектировано исключительно на мальчиков. Тот же Руссо рассматривал развитие девочек в строгом соответствии с имеющимся культурным канонем женщины как жены и матери, призывая к воспитанию у них задатков, обеспечивающих подчинение их собственной воли воле мужчины.

Если рассматривать статус ребенка в XVIII в., по крайней мере в рамках идеологии французских просветителей, то очевидным становится имеющая место определенная степень безличности его существования. Впрочем, эта характеристика относится не только к ребенку, но к человеческому существу вообще, контекст существования которого строго детерминирован естественными причинами. Эта тенденция характерна для философии французского материализма в целом и в частности для философии Гольбаха. В частности, в «Системе природы» он отмечает, что «голым и беспомощным» посылает природа человека в этот мир, при этом его рождение и развитие зависит от причин, лежащих вне его власти, и от рождения до смерти он непрерывно изменяется под воздействием причин, которые вопреки ему влияют на его организацию, видоизменяют его существо и определяют его поведение.

Наряду с отношением к ребенку как продукту рода или следствию безличностной природной детерминации, в том же XVIII в. на бытовом уровне в качестве социальной практики зарождается тенденция, которая становится провозвестником будущего на-

деления детства особым смыслом: дети в результате воспитания, проходившего в детской комнате, оказались изолированными от взрослых, в это же время возникает такое явление, как детская мода, что указывает на тенденцию отделения мира детей от мира взрослых, утверждение детства как такового и его права на свободу выражения и движений. Дизайн детского пространства стал первой ласточкой грядущего эбби-дизайна.

В Новое время закладываются предпосылки современного либерального отношения к ребенку, с его акцентом на правах ребенка и на свободном развитии его личности. Либеральные взгляды, основанные на постулатах философии Дж.Локка, опираются на его представление о естественном состоянии всех людей, а это – полная свобода в отношении их действий и распоряжения своим имуществом и личностью⁴. Одинаковое природное равенство, получаемое при рождении, у Дж. Локка становится залогом политического. Ребенок еще с рождения призван быть свободным, это естественное состояние человека, его право. В то же время за ребенком не закреплялась полнота всех прав.

Постепенная юридикация мышления, особый акцент на правах человека вызвал потребность в прояснении самого понятия «человек», требуя осмысления специфических критериев человеческого. Одним из антропологических нормативов Нового времени, особенно после восхода звезды И.Канта, являлся человеческий разум. Впрочем, кантианское идейное наследие вполне коррелировало с картезианскими представлениями о человеке как существе прежде всего разумном. В то же время статус ребенка (не говоря уже о человеческом плоде) в таком случае оставался проблематичным. Ребенок по критерию разумности не вполне соответствовал представлению об идеальной модели человека, о полноценном субъекте.

Уже Фихте в «Основах естественного права» подвергает критике кантовский категорический императив, пытаясь определить круг субъектов морали, к которым можно применить понятие разумности: «Кант говорит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть принципом всеобщего законодательства. Да, но кто же все-таки должен относиться к царству, управляемому этим законодательством, и находиться под его защитой? ... Тогда мне говорят: само собою разумеется, что речь идет только о существах,

способных иметь представление о законах, то есть о разумных существах; тут мне предлагают вместо одного неопределенного понятия другое, столь же неопределенное, но никак не ответ на мой вопрос. Ведь откуда же я знаю, какой именно объект есть разумное существо: то ли только белый европеец, или также и черный негр, то ли только взрослый, или же и ребенок тоже подлежат защите со стороны этого законодательства, и не лучше ли было бы отнести сюда также и преданных домашних животных?».

Деонтологический подход Канта не удовлетворял Фихте. Критерий разумности – не единственный, по которому можно судить о представителе рода людского. Человеческая телесность также уже предполагает наличие специфических черт, наделяющих его особым статусом в природе.

В «Основах естественного права Фихте пытается найти естественные причины, позволяющие обеспечить защиту человеку на всех этапах его развития. Основанием морального отношения, по Фихте, выступает подобное собственному человеческое тело, один взгляд на которое позволяет рассматривать другого как человека. Ребенок же своей крайней беспомощностью, в том числе и своего разума обнаруживает человечность саму по себе, понимаемую не в моральном, а скорее в физиологическом смысле, в качестве крайней уязвимости и незащитности, которая полностью противопоставляет человеческое существование более приспособленному к условиям среды состоянию животного мира. Критерием человечности становится для Фихте не абстрактно взятый человеческий разум, а человеческая деятельность. Детская беспомощность, требующая поддержки со стороны социальной жизни, морально обязывает к заботе, полагая тем самым смысл самого рода: «И здесь прежде всего выказывает себя родовое в роде. Как дерево продолжает свой род, сбрасывая плоды, так человек сохраняет себя в качестве рода путем ухода за беспомощным новорожденным и его воспитания. Так разум производит сам себя, и только так возможен прогресс его совершенствования. Члены рода становятся зависимыми друг от друга, и каждый ныне живущий сохраняет в себе духовное наследие всех предшествующих»⁵. Человеческая индивидуальность, а тем более самоценность ребенка в таком контексте, конечно, теряется, однако поскольку человек оказывается ценен лишь в осуществле-

нии человеческого как родового, это в неизбежностью предполагает особую заботу обо всех членах этого рода, в особенности о детях. Очевидна беспомощность человеческого существа, требующая взаимопомощи со стороны рода: если человек – «животное, то очень несовершенное животное, и именно поэтому он не животное... как только он покидает лоно матери, природа прекращает заботу о нем и как бы бросает его». В то же время человек оказывается сильнее животного благодаря своей потенции человеческого: «человек как таковой не есть воспитанник природы, а еще должен таким стать»; «даже положение новорожденного – на спине – придано ему, чтобы подготовить его будущий способ передвижения». Идеал человеческого развития, по Фихте, состоит в обретении свободы как независимого от чувственности качества человека. В связи с этим Фихте отмечает необходимость воспитания человека с целью развития в нем свободы духа. Животное начало в человеке существует лишь для того, чтобы воплотить свободный дух в чувственном мире.

В то же время моральное отношение, которое предполагает восприятие Другого в качестве того, по отношению к кому я несу обязательства, основывается на видении этого Другого (младенца, ребенка) в качестве уязвимого, хрупкого момента бытия.

Итак, ребенок, если рассматривать его сквозь призму представленных выше историко-философских взглядов, интересен не сам по себе, а лишь тем, что он отражает законы мироздания, является свидетельством естественности законов природы и родовой жизни общества.

Пожалуй, единственным среди философов, кто смог впервые ярко выразить идею самоценности ребенка, был Ф.Ницше. Речь идет о его программном произведении «Так говорил Заратустра». Ницше в определенном смысле опирается на христианскую модель отношения к детям, сохраняя интенцию христианства о чистоте и невинности ребенка. Читаем у него: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения». Вместе с тем ребенок интересен для Ницше еще и тем, что своим способом существования он утверждает бытие обладающего «волей к власти» человека. Ребенок – это тот, кто пока еще не подчинен стадному, конформистскому способу существованию, чья воля и образ пове-

дения определяется не долженствованием, а эгоистическим, подчиняющим волю других людей лозунгом «Я хочу», «святой волей утверждения».

Интересно отметить также следующее: Ницше как бы подготавливает будущую идеологическую платформу для современных практик планового (сознательного, разумного) деторождения. Ребенок рассматривается им как венец брака («Брак – так называю я волю двух создать одного, который больше создавших его»), однако он отрицает природную спонтанность и естественность, которая и приводит к рождению ребенка. В устах Заратустры подобная позиция выражена следующим образом: «Но я спрашиваю тебя: настолько ли ты человек, чтобы иметь право желать ребенка? Победитель ли ты, преодолел ли ты себя самого, повелитель ли чувств, господин ли своих добродетелей? Так спрашиваю я тебя. Или в твоём желании говорят зверь и потребность? Или одиночество? Или разлад с самим собою? Я хочу, чтобы твоя победа и твоя свобода страстно желали ребенка. Весь этот пафос имеет под собой вполне отчетливую логику сострадания: у какого ребенка нет оснований плакать из-за своих родителей?».

Анализ феномена детства в Новое время выявляет пересечение ряда тенденций: с одной стороны, закладка правового фундамента либеральной философией Дж. Локка создала предпосылки для будущего распространения доктрины естественных прав ребенка. В то же время акцент на разуме как критерии человечности не предполагал за последним никаких особых прав и ставил под сомнение вообще необходимость защиты его со стороны законодательства и фактически отдавал ребенка полностью во власть взрослого. В то же время, в том же XVIII в. в философии Просвещения детство идеализируется как состояние, этап жизни, на котором не существует отчуждения, характерного для мира взрослых. Для XIX в. характерен особый социализирующий стиль отношения к детям, ребенок мыслится объектом социализации, его готовят к будущей самостоятельной жизни. Появление массы свидетельств о беспощадной эксплуатации ребенка констатирует отсутствие детства как такового у определенных социальных групп и в то же время вызывает интерес к проблемам детства. Лишь с конца XIX в. с развитием урбанизации и индустриализации детство становится универсальным феноменом, охватывающим все слои населения⁶.

3. Современные представления о детстве: автономия и взаимозависимость

Каков статус современного ребенка? Ответ на этот вопрос предполагает оценку специфических социальных и культурных современных условий, в которых проходит его развитие. Если социализацию понимать как процесс развития личности, осуществляющийся в результате зависимости от социальных норм, то какая роль в этом процессе отводится ребенку – пассивного реципиента со стороны социума либо активного соучастника социальной жизни?

Человек является творческим участником процесса социализации, самоосуществляющим себя в процессе взаимодействия со средой. Специфической особенностью современной социализации является развитие ребенка в пространственно-временной структуре современных институтов. Социальное институализированное пространство дома, детского сада, школы предоставляет возможности для развития и приобретения опыта за счет интеракций с другими людьми и совершения действий-поступков. Происходит смена модели понимания детства: ребенок отдаляется от родителей, будучи помещен в пространство институтов, которое, как правило, определяет его развитие всю оставшуюся жизнь. Это осуществление достаточно насильственной детерминации личности институциональным путем можно расценивать как собственническое. Само развитие ребенка задается и корректируется некими абстракциями: учебными планами, инструкциями, представлениями, прошедшими процесс легитимизации. Уличная социализация в меньшей степени характеризует современного ребенка, на ранних этапах своего развития он, как правило, в особенности в городской среде, изолирован от своих сверстников с целью защиты его безопасности. Детство теперь требует больше планирования, характеризуется потерей спонтанности, зачастую постоянным контролем за перемещением ребенка, социальные контакты осуществляются в определенное время в определенном месте, часто в рамках тех или иных социальных заведений и в одних и тех же социальных кругах.

Институализация жизни ребенка указывает на особую зависимость от социального мира, в котором протекает его развитие. Она своей оборотной стороной имеет нивелирование личност-

ного развития, стандартизацию и подгон под конвенционально утвержденные шаблоны, пересекается с рядом других фундаментальных тенденций, задающих представление о ребенке в современном социокультурном пространстве. Среди них можно выделить следующие: либерализация и становление культуры потребления, развитие феминистских тенденций и биомедицинских технологий. Они коррелируют с утверждением рыночной модели детства.

Э.Левинас отмечает, что «пафос либерализма... направлен на то, чтобы стимулировать появление самодостаточной личности, то есть именно “я”»⁷. Классическое значение либерализма связано с обозначением социального порядка, характеризующегося свободными рыночными отношениями, правительством, ограниченной властью законов, и приоритетом личной свободы. Остановливаясь на последней характеристике либерализма, отметим: зачастую упускается из виду, что акцент на автономии, который подхватывается взрослым населением планеты, особенно в западных странах, может оборачиваться унижением тех, кто не обладает достаточной степенью таковой. К таким социальным категориям относятся и дети. Придание детству статуса неинструментализируемой ценности, ценности-в-себе, характерное для современного правового мышления, автоматически вызывает этос защиты детства. В этом отношении подтверждением особого положения последнего является констатация его правосубъектности, характеризующаяся правоспособностью.

А она в смысле обеспечения абсолютно значимыми фундаментальными правами фундирована на представлении о человеке как родившемся существе. Полноценным субъектом права априори считается, достигший определенного этапа взросления, характеризующегося в соответствии с либеральными стандартами мышления определенной степенью автономности своего тела и самостоятельно осуществляемой жизнедеятельностью на основе руководства собственным разумом. Это характеризует независимый правовой статус.

В то же время подобные критерии ущемляют, например, положение неродившегося ребенка, которому отказывают в статусе субъекта права, что создает возможность различного рода манипуляций, делая его существование крайне уязвимым.

Развитие ребенка в современных реалиях либерализации жизни помещено в достаточно жесткую структуру отношений. Одним из проявлений западного освобождения во всех сферах жизни стало наступательное движение феминизма. Очевидно, что в этом проявляется определенный политический смысл. Эрих Фромм по поводу таких тенденций освобождения женщин достаточно жестко заметил, что равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины. Этого требует современное общество, нуждающееся в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате. Подобное равенство, прикрываемое и оправдываемое дискурсом автономии женщины, негативно сказывается на статусе детства: ребенок все чаще начинает рассматриваться как обременительный элемент, как тот, кто способен посягать на права Другого (например, женщины, которая хочет инструментально распоряжаться собственным телом).

Симона де Бовуар в послевоенное время отмечала, что женщины, закованные в собственные тела, являются жертвами воспроизводства рода. Только преодолев свою физиологию, из-за которой женщина обречена вечно жить на коленях, можно стать полноценным человеком, субъектом. Пренатальное развитие ребенка в контексте подобных феминистских лозунгов, как правило, не предполагает постулирования его обособленности, оно рассматривается как часть телесных процессов, касающихся только женщины. Об индивидуальности плода, его правах, согласно этой логике, не может идти речи. В то же время положительной тенденцией некоторых современных феминисток (В.Бергум, Л.Иригарей и др.), является смещение акцентов в рамках самого феминизма с постулирования автономности взрослого человека (женщины) к формированию представлений о сущности человека, выражаемой через диалогические отношения «ты и я», а не просто «Я». Так, за понятием взаимозависимости у В.Бергум стоит тот факт, что ребенок не является отдельным существом, но и не сливается по своим онтологическим характеристикам с матерью. До своего рождения он как бы пребывает в «подвешенном» состоянии. Для В.Бергум важно подчеркнуть, что развитие ребенка не предполагает потерю индивидуальности матерью, женщина не является пассивным вместилищем, процесс беременности представляет собой соразвитие.

Практически в духе философских идей Фихте она рассуждает о том, что именно слабость Другого вызывает этическую необходимость действовать, порождает ответственность.

Ход рассуждений В.Бергум воспроизводит основополагающие послылки философии Э.Левинаса. Он подчеркивает, что самое существенное в человеческой личности – это ее относительность и взаимозависимость по отношению к другим, нами руководит «бесконечное обязательство каждого по отношению к другому человеку», о чем нам с наибольшей непосредственностью напоминает лицо другого (взгляд новорожденного в интерпретации В.Бергум). Значение деторождения («плодовитости») неизмеримо глубоко. В «плодовитости» осуществляется желание, противопоставленное потребности, не являющееся нехваткой. В плодовитости субъект трансцендирует, не теряя самого себя, он обретает себя в ребенке в новом качестве. Рождение ребенка связывает нас с абсолютным будущим или с бесконечным временем. «В плодовитости скука от повторения проходит, в ней “я” – другой, молодой, а самость, передавшая свой смысл и свое будущее другому существу, не утрачивает себя в этом самоотречении. Плодовитость продолжает историю по ту сторону старения: бесконечное время не обеспечивает стареющему субъекту вечной жизни. Он – лучший в цепи поколений, поддерживаемый чередой юношеских лет своих детей⁸. Ребенок у Э.Левинаса, не являясь собственностью взрослых, в то же время и не обладает выраженной индивидуальностью, поскольку «мой ребенок – это я сам». Но в то же время я сам не есть тождественное Я, а являюсь, следуя логике Э.Левинаса, своим отцом. В таком превалировании родового над индивидуальным понятие индивидуального, а тем более автономного, корректируется взаимной соотнесенностью всех членов человеческого рода через деторождение, что в целом напоминает ход рассуждений Фихте. В этом ключе отношения между ребенком и родителем или между отцом и сыном) есть это отношение «я» к своему «я» как другому, нетождественному моему «я», а состояние отцовства представляет собой возвращение «я» к себе самому. «Быть своим сыном означает быть “я” в собственном сыне, субстанциально находиться в нем и в то же время не быть в нем идентичным образом⁹».

Понятие автономии и взаимозависимости особым образом артикулируется в контексте интенсивного развития технологий, которые все чаще проявляют себя как технологии власти. Современ-

ный уровень их развития отбрасывает представление о неизменности физической природы человека. Искусственное поддержание жизни, генетический контроль будущих поколений, клонирование и трансплантация искусственных органов меняют представление о самом человеке, он все более представлен как сделанное (артефакт), предмет эстетических и властных манипуляций. В первую очередь воздействие механизмов биовласти способны испытать на себе наиболее незащитные, уязвимые в своем статусе люди: дети, больные, материально необеспеченные и лица преклонного возраста, то есть те, к кому не применимо распространенное либеральное понимание автономии.

Резкой критике подверг тенденцию вторжения биотехнологий в соматические основания морали Ю.Хабермас. Он обратил внимание на то, что в случае либерализации евгенических проектов взрослые могут начать рассматривать желательный генетический арсенал потомков как продукт, форму которого можно изменять, придумывая по собственному усмотрению подходящий дизайн¹⁰, в результате чего возникнет такой тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности. Этот тип управления определяет Другого, подвергающегося воплощению индивидуальных предпочтений участников рынка, в качестве вещи, продукта.

Ю.Хабермас подчеркивает, что существует жесткая нормативная взаимосвязь между неприкосновенностью личности, обоснованной как на моральном, так и на правовом уровне, и неподчиненностью другим лицам естественно растущего модуса ее телесного воплощения. «Нечто может быть выведено из сферы нашей власти по моральным основаниям и не являясь “неприкосновенным” в смысле неограниченных или абсолютно значимых фундаментальных прав»¹¹.

Взгляды Ю.Хабермаса можно рассматривать как предостережение против актуализировавшейся в последние десятилетия идеи проектирования человека, в основании которой лежит убеждение в необходимости совершенствования и «доработки» человеческой природы. Следует отметить, что контекст развития этой идеи носит не только теоретический, но прежде всего практический характер. Достижения молекулярной биологии, развитие информационных, когнитивных и нанотехнологий и предельно широкая многообеща-

ющая интерпретация результатов их конвергенции способствуют не только утверждению редуccionистских трактовок человека, но и созданию социальных утопических проектов. При этом предметом особого внимания становится ребенок. Именно на него, «обработанного» всевозможными технологическими «шедеврами», возлагается миссия «оздоровления» слабого и изможденного человеческого сообщества.

4. Российский ребенок будущего: особенности форсайт-проекта «Детство-2030»

В апреле 2008 г. благотворительным фондом «Мое поколение» на площадке Общественной Палаты РФ был инициирован форсайт-проект «Детство – 2030». Он был официально заявлен на проходившей в Шанхае выставке «ЭКСПО-2010» в качестве российской программы вхождения в XXI в.

Переход России на инновационный путь развития и ее включение в мировую конкуренцию представляет патриотический вариант «грезы о благодн» – стратегической цели общественного развития. Движение к этой цели, по мнению авторов проекта, тормозится отсутствием концепции детства в России. Именно она призвана обосновать стратегию развития той части населения, на плечи которой в будущем ляжет задача создания инновационной экономики.

На основе анализа существующих российских стереотипов в отношении детства авторы проекта подчеркивают, что доминирующим типом дискурса в России является «оградительное детство». Его главный признак – постулат необходимой изоляции детей от мира взрослых. В социально-экономическом отношении он характеризуется той особенностью, что «системы поддержки маргинальных слоев» отдаются на откуп государству (правоохранительным органам), что, по мнению авторов, «приводит к развитию иждивенчества и воспроизводству маргинального слоя, а не к его социализации»¹².

В связи с такой характеристикой сразу бы хотелось акцентировать внимание на том, что ставка на инновацию, за которой, как правило, стоит дискредитация традиционных иерархических систем ценностей, предполагает замену их другими, которые могут

быть привлекательны не столько своим содержательным планом, обещающим прогресс, сколько новизной и непознанностью, манящей эстетикой. Однако отвержение старого, уничтожает вместе с ним и алгоритмы решения тех или иных социальных задач¹³. Проект «Детство – 2030» страдает такого рода однобоким восхищением инновацией в различных сферах жизни. Отбрасывание в сторону доктрины «оградительного детства» выглядит по меньшей мере нелогичным, поскольку данная концепция в российском социально-экономическом пространстве в связи с отсутствием механизмов реализации всегда носила лишь «виртуальный» характер. В отношении России скорее следует вести речь о доктрине «заброшенного детства», являющейся прямым следствием отсутствия целенаправленной государственной политики в области прав ребенка и слабой выраженности государственных «оградительных» механизмов, обеспечивающих его полноценное развитие.

Пристального внимания требует также понятие «маргинального слоя». Не вдаваясь в прояснение того, что понимается под этим – то ли сами дети, то ли наиболее уязвимые, финансово неблагополучные категории граждан вместе с детьми, авторы вводят его в анализ двух проблем современной России: иждивенчества и перенаселения маргиналами. Эти проблемы рассматриваются в качестве негативного следствия действия механизмов социального распределения.

Альтернативный путь видится в переходе «от распределительной-обеспечивающей системы на систему построения социальных лифтов для разных слоев населения»¹⁴. Данный пункт, равным образом как и игнорирование проблем детей уязвимых категорий граждан, в том числе мигрантов, применение методов генетической манипуляции в целях создания детей с заданными свойствами свидетельствуют о латентной направленности проекта на селекцию детей. Евгенические коннотации звучат также в постановке проблемы «качества» населения, для решения которой предлагается привлечение «качественной» детской миграции.

Дискурсу «оградительного детства» противопоставляются более «выгодные» – «прикольного» и «компетентного детства». Первый связан с разработкой целого ряда инновационных направлений развития ребенка: новым родительством, перемещением расходов в пользу детства, развитием индустрии детских товаров и сервисов, появлением детской моды. Второй направлен на форми-

рование самостоятельности ребенка, в том числе на определение собственного стиля жизни, принятие независимых решений, построение собственных стратегий образования. Ребенок здесь рассматривается как субъект экономических отношений, вступающий в деловые игры с миром взрослых, более того, конкурирующий с ними как равный участник.

Хотелось бы подчеркнуть, что в XX в. рыночная модель, придающая ребенку инструментализуемый онтологический статус, была признана в отношении детского периода развития недееспособной. Модификация существующей концепции в России в сторону «компетентного детства» характеризуется возвратом к этой рыночной и по существу более старой, изжившей себя модели. Информационное общество способно предоставить ребенку новые сферы занятости на рынке труда, которые будут отличаться, например, от фабричных, но тем не менее они не потеряют своих механизмов экономического диктата и принуждения. Кроме того, в качестве соучастников экономического процесса дети должны стать инвесторами собственного развития.

Призыв к формированию новой социальной группы, состоящей из детей и преследующей экономические интересы вследствие наличия определенного капитала – результата заработка, который должен стимулировать развитие сектора детских товаров и услуг и тем самым обеспечивать развитие капитализма в этом направлении, манифестирует прежде всего ценность рыночной экономики, но не ребенка. Ребенок становится значим лишь как «конкурентноспособный человеческий капитал»¹⁵.

В проекте прослеживается отчетливая взаимосвязь между внедрением технологических инноваций и трансформацией структуры общества, поэтапным изменением распределения социальных ролей. К 2020 г. в детях видят источник дополнительной рабочей силы («2020 год. Дети могут работать и получать доход в интернете»). К 2023 г. планируется создание робота-ребенка, который способен имитировать поведение настоящего ребенка. Его использование охватывает широкий спектр социальных программ: от обучающего инструмента для подготовки родителей до продажи тем, кто не хочет или не может иметь настоящих детей и т. д. И хотя это не прописано в проекте, но логично предположить, что еще одной из функций роботов будет замещение живых, но работающих и перегруженных де-

тей. Внедрение детей-роботов имеет прямое отношение к развитию систем компетентного родительства, тем не менее данная практика приобретает совершенно неожиданные коннотации при указании на то, что ее следствием может стать сокращение числа желающих рожать детей. В проект неявно закладывается сокрытая и неизбежная в свете основных его задач поступательная евгеническая политика в форме технологического планирования семьи. В данном контексте в детях видят предмет роскоши, в то время как для маргинальных слоев, очевидно, предполагается лишь альтернатива – ребенок-робот – как один из возможных способов контроля воспроизводства «некачественной» миграции.

Неотрефлексированным остается положение ребенка: с одной стороны, за ним закрепляется статус активного участника социального мира (дети могут участвовать в создании предметов, зарабатывать, выдвигать собственные стратегии образования), с другой стороны, к 2025 г. это биоматериал, из которого можно конструировать по социальному заказу то или иное существо, лишённое минимальной степени автономии и собственной стратегии развития: «Можно запрограммировать способности и характеристики детей; вместо детей можно заводить роботов или виртуального ребенка; воспитанием и уходом за детьми могут заниматься роботы; способности ребенка можно увеличивать за счет генной модификации и чипизации»¹⁶.

Итак, содержательную часть Проекта можно редуцировать к трем пунктам – его основным стратегическим задачам:

создание из детей рабочего (креативного) класса как активного участника инновационного развития, активного участника бизнес-процессов;

уменьшение количества населения России путем реализации возможностей технологического планирования семьи: новой формой семейной жизни становится ее суррогат – «техногенная семья», состоящая из семейной пары и ребенка-робота или робота-воспитателя и ребенка-человека;

постепенная ликвидация семьи как консервативной аксиологической системы, препятствующей внедрению инновационных общественных механизмов (новой этики, стратегий образования и развития), и более жесткая стратификация общества на основе целенаправленного стравливания поколений.

В конце 2010 г. участники I Всероссийского родительского форума «Спасём семью – спасём Россию!» в своем обращении к президенту РФ Д.А.Медведеву выразили резко критичное отношение к содержанию проекта. Они заявили, что «...общественность поражена бесчеловечной циничностью положений Форсайт-проекта “Детство-2030”. Чего стоят такие предложения, как: предложение отправить на свалку истории детско-родительскую любовь как заблуждение и атавизм; упразднить “устаревшую” традиционную семью, заменив “множественными”, “гостевыми” и прочими формами сожителства, ввести обязательное лицензирование и экзамены на право воспитания собственных детей, отбирать детей у “неуспешных” родителей и передавать в “компетентные воспитательные сообщества”; отменить традиционное образование и вживлять детям в мозг микрочипы “для связи с глобальными информационно-управляющими сетями” и другие “инновации”. Это антиобщественный путь модернизации и развития нанотехнологий в ущерб общечеловеческим ценностям»¹⁷.

После многочисленных открытых акций протеста против аморальной инновационности проект подвергся существенной редакции, стал более мягким по отношению к «старомодному» родительскому мнению, не так настойчив в отношении целенаправленного технологического дизайна ребенка. Тем не менее базовая интенция его осталась прежней: понятие ребенка как «человеческого капитала» так и не переросло в понятие «личности».

Заключение

Л.С.Выготский подчеркивал, что развитие ребенка в обществе всегда задается социально-культурными характеристиками. Нет вечно детского, а есть лишь исторически детское.

Исследование показывает, что ценность детства в современном обществе не является таковой сама по себе. Она приспособлена под наличные общественные практики. Имеющий место акцент на правах ребенка, развитие ювенальной юстиции свидетельствует зачастую не об особом правовом статусе ребенка, сколько о его фактическом бесправии, которое и призвано нейтрализовать законодательство. Сравнение современного стату-

са ребенка с духовной ситуацией Античности и Средневековья показывает укрепление его социального положения: ребенок перестает рассматриваться как прообраз будущего взрослого, в качестве недочеловека, которого необходимо как можно быстрее подключить к социальной жизни; он в большей степени ценится как особое социальное существо, со своей неповторимой онтологией. В то же время на уровне бытующих социальных практик, повсеместной дискриминации прав ребенка сложно говорить о тотальном изменении в сторону формирования положительного отношения общества к детям. Вследствие этого становится очевидным, что ценность их оказывается инструментально приспособленной к существующим экономическим реалиям, коррелирует с уровнем развития технологий (биомедицинских, информационных). При этом в лучшем случае, как, например, в социологических исследованиях, говорят о ценности определенного числа детей в семье, необходимого для нормального функционирования государства, либо в связи с имеющимися человеческими потребностями – такими, как потребность в материальном обеспечении в старости и в наследнике для передачи имущества. Социализация, которая начинается в детстве, призвана не только адаптировать человека к обществу, но и обеспечить личностный рост. Однако на современном этапе развития характерные черты социализации испытывают влияние существующих механизмов культуры потребления. Ребенок априори рассматривается, как, впрочем, и все население планеты, в качестве потребителя, интересного исключительно в контексте обращения денег, товаров и услуг. Конструирование его картины мира происходит по образцу потребительской корзины и интенсифицируется вследствие тотального и насильственного воздействия информации. В таком случае, несмотря на распространенный правовой пафос защиты детства, задавший гуманистическое кредо современной цивилизации, социальные практики демонстрируют полное несоответствие духу самой эпохи, выраженному в нормах Конвенции о правах ребенка и других документах международного права. И в этом отношении в современном мире ребенок ничуть не менее бесправен, чем в предшествующие исторические эпохи.

Примечания

- 1 *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988. С. 6–11.
- 2 *Соловьев В.С.* Оправдание добра // iph.gas.ru.
- 3 *Зеньковский В.В.* Психология детства. СПб., 1995. С. 158.
- 4 *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988.
- 5 *Фихте И.Г.* Основы естественного права // iph.gas.ru.
- 6 *Куруленко Э.А.* Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект / Социология 1998 год, (1).
- 7 *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное (elenakosilova.narod.ru. С. 141).
- 8 Там же. С. 259.
- 9 Там же. С. 265.
- 10 Там же: С. 24.
- 11 Там же: С. 43.
- 12 См.: <http://detstvo-2030.ru/>
- 13 Инновация как вторичная обработка. <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/groyce.htm>
- 14 См.: <http://detstvo-2030.ru/>
- 15 <http://detstvo-2030.ru/>
- 16 Там же.
- 17 Обращение участников I Всероссийского родительского форума «Спасём семью – спасём Россию» к Президенту Российской Федерации Д.А.Медведеву (http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/25/nadeemsysya_chno_nash_golos_budet_uslyshan).